

Глаза Нин Момо сразу загорелись, она энергично кивнула, послушно выпила лекарство, которое оставила медсестра у ее кровати, и, обняв Шэнь Юньфаня, уснула. Тот поцеловал ее в лоб, молча извиняясь. Чтобы заработать деньги, дядя должен вернуться на работу. Только так он сможет обеспечить ей хорошую жизнь и заботиться о ней. Дядя и племянница проспали до самого утра, и только после того, как медсестра проверила температуру, Шэнь Юньфань завернул Нин Момо в теплую одежду, оставив видимыми только ее большие, блестящие глаза, что выглядело невероятно мило. Он вызвал такси и отвез ее в крупный центр игрушек, где накупил целую кучу игрушек. Хотя Шэнь Юньфань плохо знал английский, Нин Момо говорила на нем свободно, и если возникали вопросы, девочка сама обращалась к продавцам, чем очень гордил Шэнь Юньфань, улыбка не сходила с его лица.

— Момо, дядя купит тебе мобильный телефон, чтобы ты могла звонить мне, когда захочешь.

Нин Момо наклонила голову:

— Можно сказать папе?

Шэнь Юньфань замер на мгновение, затем поправил ее челку и улыбнулся:

— Папе можно, но больше никому. Это будет наш собственный канал связи.

Девочка улыбнулась и кивнула:

— Хорошо! Я буду звонить тебе, как только проснусь.

Шэнь Юньфань поцеловал ее в щеку:

— Пойдем, сегодня дядя в хорошем настроении, и купит тебе все, что ты захочешь.

В итоге, с помощью Нин Момо, они выбрали парные телефоны. У Сюй Цзе, узнав об этом, помог установить дешевое приложение для международных звонков. Перед сном они оба веселились, общаясь через приложение лицом к лицу. Шэнь Юньфань, посмотрев на время, помог Нин Момо принять лекарство и прибрался в комнате. Девочка спокойно лежала в кровати, наблюдая за занятым дядей, и тихо сказала:

— Дядя, я буду скучать по тебе.

Шэнь Юньфань, складывая одежду, замер, не решаясь повернуться к ней. Эта девочка была такой умной и чувствительной, даже характером она была похожа на свою мать. Шэнь Юньфань не знал, радоваться этому или печалиться, и только утешил ее:

— Момо, ты должна скорее выздороветь, чтобы дядя был счастлив.

Нин Момо кивнула:

— Дядя, могу я задать тебе вопрос?

Шэнь Юньфань тихо вздохнул, сел рядом с ней, поправил одеяло и сказал:

— Спрашивай, дядя ничего от тебя не скроет.

— Папа меня бросил?

Услышав это, Шэнь Юньфань покраснел, глядя в ее большие, ясные глаза, не зная, стоит ли

кивать. В конце концов, он покачал головой:

— Нет, даже если он так поступит, дядя тебя не бросит. Ты — сокровище твоей мамы. Когда ты поправишься, я отведу тебя к ней. Она была красивее твоего папы.

Нин Момо тихо засмеялась:

— Папа не урод.

Шэнь Юньфань скривился:

— Но точно не красавец, как дядя!

Нин Момо, обняв его голову, рассмеялась:

— Дядя, я правда буду скучать по тебе.

Шэнь Юньфань обнял ее, убаюкивая, и лишь после того, как девочка заснула, тихо прибрался в комнате, приготовил завтрак на следующий день и, взяв чемодан, отправился в аэропорт. В самолете он проспал весь путь, совсем не так, как на пути сюда. Его сердце было пустым...

А в это время, за тысячи километров, в доме Нин, как только Шэнь Юньфань сел в самолет, об этом сразу же узнали. Секретарь Хаотяня осторожно произнес:

— Господин председатель, Шэнь Юньфань вернулся в страну.

Цзян Фаньцю кивнула, листая альбом с образцами свадебных платьев:

— А ребенок?

— Не вернулся, Шэнь Юньфань приехал один.

Цзян Фаньцю на мгновение замерла, затем продолжила листать:

— Скажите господину Нин, что на этот раз все закончилось. Пусть хорошо готовится к помолвке. Если он продолжит быть таким подавленным, я, как его мать, не потерплю этого.

— ...Да!

Поговорка «что посеешь, то и пожнешь» как нельзя лучше подходит к Чжан Пиню. Когда Шэнь Юньфань заметил, что за ним следит этот парень у входа в школу, он сразу понял, что тот — бедняк. Его ватная куртка выглядела старше, чем его собственная. Но он не ожидал, что Чжан Пинь окажется настолько бедным. Едва он вышел из самолета, как тут же был перехвачен этим парнем, даже не успев доложить о своем возвращении боссу Гу. Его сразу же повезли на съемочную площадку. Даже получив финансирование, Чжан Пинь не потратился на известных актеров. Глядя на своих бывших коллег, которые когда-то делили с ним трудности, Шэнь Юньфань почувствовал горечь. Сколько лет прошло, а они все еще не могут выбраться из этой нищеты!

Чжан Пинь, хоть и заикался, был мастером агитации. Каждое утро его крик заставлял Шэнь Юньфаня чувствовать боль в желудке, голове и вообще везде.

— Друзья, пленка — это деньги, поэтому мы должны стараться снять все с первого дубля, чтобы сэкономить и добавить мяса в обед!

Только что он мягко подбадривал, а уже через мгновение, если актер отвлекался, превращался в ревущего монстра:

— Ты понимаешь, что только что потратил? Деньги! Пленку! Твое обеденное мясо!

Шэнь Юньфань: ...

Чжао Мань, впервые посетивший съемочную площадку, был поражен контрастом в поведении этого парня.

— Я видел экономных режиссеров, но такого еще не встречал. Юньфань, не снимай, мне кажется, этот фильм никогда не выйдет.

Шэнь Юньфань, жуя завтрак, посмотрел на него с усмешкой. С тех пор как этот парень стал агентом, его костюмы вызывали у Шэнь Юньфана тошноту. А с его изысканной внешностью и разговорами о контрастах, ему бы лучше посмотреть на себя в зеркало! Он больше походил на страхового агента, чем на менеджера.

Чжао Мань не стал спорить, подтолкнул его:

— Ты читал сценарий, который я тебе дал?

Шэнь Юньфань покачал головой:

— Некогда, я занят.

Чжао Мань готов был его придушить:

— Это же работа Цинь Тао! Ты совсем не заинтересован?

Шэнь Юньфань, глотая соевый соус, брызнул на него:

— Я еще не готов умирать!

Чжао Мань сунул ему в рот булочку, чтобы заткнуть его.

— Я уже читал, и не верю, что ты не заинтересован. Цинь Тао, хоть и любит срывать, но Чжун Юань справлялся. Не говори мне, что ты не можешь выдержать таких трудностей.

Шэнь Юньфань не поддался на эту детскую провокацию, подтянул Чжао Мана и шепнул:

— Знаешь, почему только Чжун Юань справлялся с этим «дядей»?

Он соединил два пальца и поднял брови.

— Понял? Не лезь в семейные дела, иначе быстро умрешь!

Чжао Мань сначала удивился, затем сомневающе спросил:

— Никаких слухов не было, откуда ты знаешь?

Шэнь Юньфань только улыбнулся. Разве он мог сказать, что случайно видел, как Чжун Юань целовал этого «дядю»? Похлопав Чжао Мана по плечу, он сказал:

— Брат Мань, главную роль все равно получит Чжун Юань. Зачем нам вмешиваться в их

разборки? Ладно, иду снимать, надеюсь, на обед будет мясо!

Чжао Мань: ...

Охотник на демонов зарабатывал, принимая заказы от клиентов. Он любил подкрадываться к жертвам и, как только в них пробуждался внутренний демон, уничтожал его. Шэнь Юньфань понимал, почему Чжан Пинь был таким экономным. Парень, вероятно, хотел вложить все деньги в постпродакшн. Такой жанр был немного фантастическим, и если бы постпродакшн оказался плохим, фильм бы провалился! Чжан Пинь дал ему сценарий, в котором каждая история имела прошлое и настоящее. Когда-то Фу Тянь получил знания от предыдущего охотника на демонов и поклялся уничтожить всех демонов в мире. Но из-за юношеской самоуверенности он совершил ошибку, которая привела к гибели отца и сына. Позже сын начал выращивать демонов в себе, чтобы отомстить. Его жажда мести была настолько сильна, что, когда Фу Тянь обнаружил это, было уже слишком поздно.

Демоны, рожденные из сердца, были опасны. Фу Тянь, уничтожая их, часто спасал жизни людей. Но демоны, насильно внедренные в человека, были смертельны. Они подчиняли себе хозяина, и даже после уничтожения оставалась лишь пустая оболочка. Чтобы исправить свою ошибку, Фу Тянь вложил свои эмоции и чувства в тела этих людей, чтобы уравновесить их, тем самым спасая их жизни. Благодаря такой самоотверженности Фу Тянь предотвратил предстоящий хаос. Враг был прикован к искупительному кресту, который охраняли охотники на демонов из поколения в поколение, а свои последние мысли он вложил в свою тяжело раненую возлюбленную, надеясь, что она поможет ему найти самого себя. Это была история о грехе и искуплении, явно рассчитанная на молодую аудиторию, с элементами японской анимации, корейской мелодрамы и традиционной китайской морали.

<http://bllate.org/book/14964/1420556>